

А.В. ЮРЕВИЧ

ОСТЕПЕНЕНИЕ

Степенемания

Каждый ребенок знает: для того чтобы сделать научную карьеру, надо *защитить диссертацию*, и лучше не одну, хотя даже не всякий взрослый понимает, зачем это нужно. Бытует мнение, что подобная традиция идет с тех давно забытых времен, когда ученые степени в нашей стране уважались, за них платили приличные деньги, а в отечественных фильмах фигурировал удачливый нувориш, который выдавал себя за кандидата наук. Например, в хрущевские времена, оставившие о себе память не только пятиэтажками, оттепелью и кукурузизацией всей страны, но и всеобщей устремленностью в космос, зарплата нашего среднестатистического кандидата наук была в 3,5 раза, а доктора наук — в 5 раз выше средней зарплаты по стране. Теперь же за ученые степени практически ничего не платят, но многие по-прежнему стремятся их получить. Причем за последние годы защит стало не меньше, а больше.

Этот парадокс и в самом деле проще всего выдать за атавизм, списать на нашу консервативность и приверженность архаичным традициям. Но дело не только в этом. Какие, например, традиции могут быть у свежееиспеченных бизнесменов, на долю которых приходится пятая часть защищающих кандидатские диссертации? Или у политиков, среди которых считается просто неприличным не иметь ученой степени, причем непременно докторской? А ведь эти занятые важнейшими государственными делами люди находят время для защиты

Юревич Андрей Владиславович — доктор психологических наук, профессор, директор Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН. **Адрес:** 103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5. **Телефон:** (095) 298–57–22. **Факс:** (095) 925–99–11. **Электронная почта:** yurev@orc.ru

диссертаций, в результате чего наша в целом обедневшая наука обогатилась такими докторами наук, как В. Жириновский, Г. Зюганов, а также И. Рыбкин, Е. Строев, С. Степашин и др. Даже первый помощник столичного мэра Е. Ресин, практически не покидающий строительных площадок, нашел время для получения докторской степени.

Конечно, и во всем этом можно усмотреть пережиток — тех времен, когда партийные начальники без отрыва от дел защищали диссертации, временно возглавляя какой-нибудь НИИ, что давало им возможность подняться на еще более высокую ступень партийного Олимпа. Но сходство нынешней ситуации с теми временами чисто внешнее. На самом деле причина в другом. Просто наш народ, особенно его лучшую часть — политиков и бизнесменов — опять потянуло к знаниям, в чем сказались действительно лучшие, а не устаревшие традиции. Но есть разные виды знания и разные формы его хранения. Философы совершенно справедливо различают знание-для-себя и знание-для-других. По большому счету, знание — ничто, если окружающие не ведают, что ты им обладаешь. А как дать им понять, что ты — светоч знания? Лучший способ — предъявить диплом кандидата или доктора наук. Человек, облаченный знанием-для-других, то есть дипломом, — это уже совсем другой человек. Возьмем того же политика. Если он просто рассуждает на экономические или политические темы, это его очень уважаемое, но все же *личное* мнение. Если же он делает это, будучи доктором или, на худой конец, кандидатом экономических, политических или социологических наук, его личное мнение автоматически превращается в суждение *эксперта*. Ведь эксперт — это человек, высказывающий свое мнение (как правило, за деньги, и немалые) от имени науки. Поэтому ученые степени, хоть и не дают, как прежде, прямых дивидендов, но приносят дивиденды косвенные — и политикам, и бизнесменам, и многим другим.

Тяга уважаемых людей к ученым степеням имеет в нашей стране давние и закрепленные историей традиции. Уже первым законодательным актом 1803 г., вводящим ученые степени, устанавливалось строгое соответствие между ними и Табелью о рангах: если на государеву службу поступал кандидат наук, то он получал чин губернского секретаря, если магистр, то чин титулярного советника, а если доктор, — чин коллежского асессора. Это было очень мудро, и нынешняя потребность солидных людей в ученых степенях выглядит как отголосок той самой мудрости¹. И получают они по заслугам, то есть

¹ Введение этой системы было во многом подготовлено просветительской деятельностью М. Ломоносова, который еще в 1755 г. писал: «Профессоры в других государствах, не взирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или по последней мере равно коллежскими асессорами считаются, второе, ободряются к

чем солидной человек, тем более высокая степень ему присуждается. Проблема возникла лишь один раз, когда бывший казахский премьер, которого тогда еще не разыскивал Интерпол, защищал в России докторскую диссертацию. ВАК обратился к нему с унижительным предложением защитить сначала кандидатскую. Однако репутация одного из богатейших людей дружественной нам республики, а также личные ходатайства влиятельных людей сломили сопротивление упрямец, и справедливость была восстановлена.

Путь к банкету

Если вы приняли абсолютно правильное и вполне современное решение получить ученую степень, вы не можете не знать, что главная часть диссертационной процедуры — это банкет. Даже в те тяжелые времена, когда под лозунгом тотальной войны с зеленым змием спиртное не допускалось на защиты, традиция была жива, хотя и вела полуподпольное существование. Когда она возникла, никто толком не знает, но известно, что первые европейские профессора в дни получения своих высоких степеней попадали домой только транзитом через таверны.

Собственно, вся процедура подготовки и защиты диссертации — это путь к банкету, и все ее промежуточные этапы куда менее существенны, чем абсолютно стандартный конец. Говорят, что сейчас существуют некие теневые предприятия по изготовлению диссертаций, но автор их не видел, в них не состоит и вообще говорить о них не хочет, поскольку это непедагогично. Куда лучше описать два более честных способа получения ученой степени. Один из них хорош для тех, кто, несмотря на отданные науке (бизнесу, политике и т. д.) годы, еще сохранил способность писать и может написать какой-нибудь текст. Второй — для тех, кто писать уже не может, но еще не так немощен, чтобы не донести до места защиты свои ранее написанные работы. Последний вариант, называемый «защитой по совокупности работ», на первый взгляд, куда более прост, гуманен, общедоступен — даже для не умеющих писать, каковых особенно много среди политиков, — и существенно экономит время соискателя. Но это только на первый взгляд. При таком способе защиты требуется не только представить что-либо из написанного вами ранее, причем как можно больше и вами лично, а не в соавторстве с кем-либо другим

прилежному учению не токмо произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство, так что нередко бывают за особое достоинство произведены по первому в Тайные советники, по второму в фрейгеры или бароны». А предпринятая в 1918 г. замнаркома просвещения М. Покровским попытка отменить в науке все чины и звания, а равно и удостоверяющие их дипломы и не выдавать их даже после окончания университетов не привела ни к чему хорошему.

(что трудно почти для всех), но и собрать огромное количество справок. Поэтому людям, действительно экономящим время, легче написать текст (политики и бизнесмены — не в счет, за них все сделают другие).

Но если вы выбрали первый вариант и сподобились написать либо позаимствовать у кого-то уже готовый и лучше неопубликованный текст, тоже не ждите легкой жизни. Вам придется подготовить еще один, состоящий из многочисленных справок о том, где и когда вы родились, где учились, чем занимались в раннем детстве и т. п. И не надо думать, что все это — бессмысленная бюрократия. Вас должны знать, и знать хорошо. Например, вы написали плохой текст. Какое это имеет значение, если вы — преуспевающий банкир или важный государственный человек? Именно для того чтобы не проглядеть настоящий талант, который вполне может спрятаться и за плохим текстом, нужны все эти справки.

Собственно, так устроена любая разумная система. Например, если вас останавливает за нарушение правил дорожного движения инспектор ГИБДД, он спрашивает, не почему вы нарушили эти правила, а где вы работаете, имея в виду, сколько вы зарабатываете. Иначе как он сможет определить, какой именно штраф на вас наложить? Останавливаясь в гостинице, вы заполняете форму, где помимо фамилии, имени, отчества и т. п. указываете дату своего рождения, которая, казалось бы, не должна интересовать гостиничный персонал. То же самое вы делаете, когда вызываете врача на дом. Такие, на первый взгляд, не относящиеся к делу вопросы обычно позволяют получить очень важную информацию. Скажем, зачем врач поедет к человеку, которому за восемьдесят, если его все равно не вылечишь? Смысл всевозможных справок такой же — узнать о человеке как можно больше, и любой защищающий диссертацию должен это понимать.

Что же касается содержания второстепенного текста, то есть того, что вы представляете в качестве самой диссертации, то оно большого, да и вообще какого-либо значения не имеет. Правда, в ряде наук существует не очень удобный для соискателей ритуал: прежде чем написать текст, надо провести какое-нибудь исследование. То есть сходить на какое-нибудь предприятие, например, в школу, на завод или в коммерческую фирму, задать работающим там несколько вопросов — все равно каких, а затем подсчитать корреляции между их ответами, с одной стороны, и, скажем, их полом, возрастом, образованием, любимым занятием их бабушек и т. п. — с другой. При этом важно не то, какие именно вопросы и кому задаются, а то, чтобы этих людей было побольше и, главное, чтобы правильно были подсчитаны коэффициенты корреляции. Хотя, справедливости ради, надо признать, что в современной российской науке «правильно подсчитать» тоже можно по-разному. Так, хорошо известен случай, когда социолог в

ответ на предложение заказчика провести опрос спросил: «А как вам подсчитать результаты — в чью пользу?»

Если же вы не знаете, что такое коэффициенты корреляции, и вообще относитесь к той многочисленной категории гуманитариев, которая умеет писать, но не считать, вам лучше подготовить не эмпирическую, а теоретическую работу. В большинстве гуманитарных наук существуют два вида теоретических работ. В первом случае автор, последовательно опровергнув все теории, существующие в его области, строит свою собственную теорию (или обещает ее построить), демонстрируя, что в его науке все поголовно дураки, кроме него. Во втором — автор собственной теории не выдвигает, а развивает теорию своего начальника, друга или просто уважаемого ученого, показывая, что все остальные — дураки. Второй вариант много предпочтительнее, поскольку, строя свою собственную теорию, автор вынужден доказывать, что дураки все, включая и его начальника; это может помешать не только защите, но и карьере. Да и вообще история свидетельствует, что научные воззрения ученых почти всегда совпадают с воззрениями их начальников, что можно сформулировать как один из фундаментальных науковедческих законов.

Если вы решили пойти по второму, более спокойному пути, написать теоретическую диссертацию, основанную на развитии чье-либо идейного наследия, перед вами встает вопрос: что значит «развить» чью-либо теорию (сама постановка вопроса предполагает, что теория недоразвита)? Это может означать следующее: а) пересказать ее своими словами, б) обругать конкурирующие с ней теории (при этом их можно не описывать и вообще не знать), в) еще что-нибудь добавить к этой теории или расширить область ее применения. Первые две задачи предельно ясны и легко выполнимы. Третья же иногда вызывает вопросы, поскольку не все знают, что именно надо добавить к теории, чтобы ее развить. Тут имеются разные варианты. Можно добавить некоторые обещания типа: «теория конгруэнтных структур поможет решить все основные проблемы человечества». Можно придать ей практический вес, ведь, как раньше говорили, «нет ничего практичнее хорошей теории». Для этого используются заявления вроде: «наш опыт (не надо уточнять, какой именно) не оставляет сомнений в том, что теория Самохвалова (вашего начальника) поможет решить проблему социальных конфликтов». Можно изобразить теорию в виде схемы, сделав упор на то, что новый, графический, вид придает ей новый смысл, — и это невозможно проверить, поскольку вашего рисунка все равно никто не разберет. Можно взять две теории, например, вашего непосредственного начальника и его начальника, показав, что они органически — как и сами начальники — дополняют друг друга (при этом надо быть уверенным, что последние находятся между собой в хороших отношениях). И так далее. Главное

здесь — самоограничиться, то есть выбрать один-два, максимум три варианта и не гнаться за всеми зайцами сразу. Ведь если вы слишком переусердствуете в развитии теории, и изобразив ее графически, и связав с проблемой социальных конфликтов или ухудшения окружающей среды, и объяснив на ее основе появление первого человека, и объединив с другой теорией, ваш начальник не узнает свое детище, и у вас могут возникнуть проблемы.

Подобный способ подготовки диссертаций вообще следует использовать с осторожностью. Далеко не все ученые, особенно гуманитарии, любят теоретические работы, и если вместе с вами будет защищаться еще один теоретик, их терпение может лопнуть. Во-первых, не всякий член Ученого совета (УС) простит вам, что вы развиваете не его собственное наследие, и не все из них находятся с вашим начальником в хороших отношениях. Во-вторых, теоретизирование, даже если это развитие не ваших собственных, а чужих теорий, воспринимается как привилегия, которую надо заслужить. Если вы — сами начальник, то ваши претензии на статус теоретика скорее всего сочтут оправданными. Если же вы — просто аспирант или мэнээс, то вас могут счесть нахалом, который хочет перескочить через несколько ступеней статусной иерархии.

Так что лучше не рисковать и делать диссертацию наиболее типовым путем — что-либо у кого-либо спросив и посчитав корреляции. Собственно, и здесь можно сэкономить время, вообще ничего ни у кого не спрашивая, ничего не считая, а попросту выдумав результаты. Если вы пойдете этим путем, вы, конечно, станете нарушителем конвенции. Но, во-первых, далеко не единственным, во-вторых, попадете в один ряд не только с Паниковским, но и с Ньютоном, Галилеем, Кеплером, Менделеем и многими другими, каждый из которых не только грешил подтасовкой данных, но и подчас попросту придумывал их.

В развитие этой славной традиции внесли свой вклад и гуманитарии. Так, известный представитель психологической науки С. Барт был удостоен престижной премии Торндайка и первым из психологов посвящен в дворянство благодаря изощренной системе подлогов, которая включала описание непроведившихся исследований, искажение действительных размеров выборок, публикацию подтверждающих его идеи данных под вымышленными именами и т. п. Причем уличен во всем этом сэр Сирил Барт был много позже, и не психологами, а профессиональным журналистом.

Современные ученые в плане подлогов не отстают от своих маститых предшественников. Журнал *New Scientist* несколько лет назад разослал 37 авторам научных статей, опубликованных в этом журнале, письма с просьбой прислать «сырые» данные, на которых были основаны их выводы. Ответили 32 автора, у 21 из которых первичные результаты куда-то «случайно затерялись» или оказались столь же

«случайно» уничтоженными. Однако и в присланных данных обнаружались подозрительные неточности и ошибки. Подобные примеры вдохновили А. Кона (не путать с И. Коном) написать книгу, название которой — «Ложные пророки: мошенничество в науке и медицине» — не нуждается в комментариях. Автор пришел к выводу, что в науке, как и вообще в жизни, мошенничество является нормой, а не патологией. Он выделил три основных вида научного мошенничества. Самый грубый из них — «подлог», то есть прямая фальсификация результатов исследования, — дополняется двумя другими — «приукрашиванием», то есть искажением полученных результатов в выгодном для исследователя направлении, и «стряпней» — отбором только тех данных, которые подтверждают его гипотезы. И. Митроф ввел понятие «антинорм», куда более почитаемых учеными, чем официальные нормы — объективность, незаинтересованность и т. п., о которых зачем-то написал Р. Мертон².

Но предположим, что вы патологически честный человек. Тогда придется провести исследование по всем правилам, то есть на самом деле кого-нибудь опросить и добросовестно посчитать корреляции. Без некоторых хитростей и в этом случае не обойтись. Как, например, быть, если *все* ваши гипотезы подтвердятся? Это будет очень подозрительно, и у членов УС могут зародиться сомнения в вашей честности. Поэтому в обойму подтвердившихся гипотез надо вставить хотя бы одну или две не подтвердившихся. Этот прием называется «первым правилом Жукова» — в честь описавшего его ученого. Если у вас неподтвержденных гипотез не оказалось, тоже не беда, придумайте их *post factum*. Да и вообще грамотный исследователь всегда формулирует гипотезы после, а не до того, как получит свои данные, — когда уже будет ясно даже ему самому, что именно он хотел исследовать и какие результаты это дало. Так что не только не подтвердившиеся гипотезы, демонстрирующие честность автора, но и подтвердившиеся, образующие скелет диссертации, лучше формулировать по следам уже проведенного исследования, то есть втыкать кости в уже наращенное мясо.

Главная же часть диссертации, основанной на эмпирическом исследовании, это не гипотезы, а таблицы. Эмпирическая диссертация без таблиц — все равно что магазин без вывески или телевизор без экрана. Таблиц лучше иметь побольше, но в разумных пределах — столько, чтобы все они разместились на экспозиционной доске. Если

² Справедливости ради надо отметить, что Р. Мертон тут же признал повсеместное нарушение этих норм, а также то, что реальная наука живет «эффектами» — Ратчета (обретя высокий статус, его практически невозможно потерять), Матфея (чем больше имеешь, тем больше и приобретаешь) и др., которые не вписываются в ее официальные нормы.

же таблицы развесить на стенах, членам УС придется крутить головой, и это им не понравится. Самое же главное состоит в том, что среди этих таблиц лишь одна должна быть понятной, — это «второе правило Жукова». По поводу нее следует что-нибудь сказать, ткнув в пару цифр указкой. Остальные таблицы нужно проигнорировать. Они — не более чем эстетический фон, орнамент диссертационной процедуры. Если же диссертант будет докучать присутствующим детальным разбором всех своих таблиц, он рискует остаться в аудитории в одиночестве. Из этого следует, что изображенное на непонятных таблицах вообще не имеет значения. Туда можно вписать цены в ближайшем ресторане, даты рождения своих родственников, рост баскетболистов любимой команды или что-то еще. Можно и вообще ничего самому не вписывать, а воспользоваться таблицами, позаимствованными у другого диссертанта. Важно лишь, чтобы они были взяты не с защиты, непосредственно предшествовавшей вашей собственной. Впрочем, если вы даже допустите такую неаккуратность, присутствующие едва ли это заметят, особенно если таблицы непонятны, то есть относятся ко второй категории.

Еще одно важное свойство хорошей защиты — компактность. Нельзя забывать, что члены УС пришли не на защиту, а на банкет. Они хотят есть и пить (то есть выпить), и нельзя долго испытывать их терпение. Так что надо говорить кратко — как именно и о чем, совершенно не важно. Это не выборы в правительственные органы, имиджмейкера нанимать не следует, и вообще все присутствующие, дабы не терять времени впустую, занимаются своими делами и не слушают диссертанта. Так что если в отведенное ему время он будет рассказывать не про свою работу, а про свою, скажем, тещу или собаку, подмена темы скорее всего тоже останется незамеченной.

Искусственные кворумы

Очень непростая проблема — собрать кворум. И здесь не следует всецело полагаться на такой стимул, как банкет. Во-первых, члены УС в большинстве своем — маститые ученые (МУ), которые участвуют в банкетах почти каждый день (что еще делать маститым ученым?). Принимая решение прийти на вашу защиту, член УС, как правило, отказывается от участия в каком-либо другом банкете; не всегда ваш может выдержать конкуренцию. Во-вторых, среди членов УС тоже встречаются сообразительные люди, которые приходят сразу на банкет. Задача же диссертанта — собрать кворум на самой защите. Поэтому необходимо использовать дополнительные средства привлечения членов УС. Каких-либо стандартных рецептов здесь нет, все зависит от изобретательности и обаяния диссертанта.

Но даже если вам не удалось собрать кворум, не стоит особенно горевать. Если вы дотянули до защиты, ваша судьба находится в

надежных руках председателя УС, который в совершенстве владеет искусством создания искусственных кворумов (ИК), — иначе он не был бы председателем. Это искусство включает несколько нехитрых приемов вроде предварительного собирания подписей у тех, кто не явится, активного использования тех, кто подпишется, тут же уйдет и вернется прямо к банкету, и подписывания бюллетеней за отсутствующих.

Вообще-то главное в этом деле не собрать недостающие подписи, а, наоборот, не переусердствовать. Известны случаи, когда бюллетеней в урне для голосования оказывалось значительно больше, чем присутствовавших членов УС. Например, 14 присутствующих подают 21 голос «за». Почему так происходит, легко понять. Допустим, некий член УС — Уходящих — собирается куда-нибудь уйти, но при этом хочет до конца выполнить свои обязанности. Он обращается к сидящему рядом Выбегайло с вопросом: «Ты досидишь до конца?», как правило, получая ответ: «А черт его знает». «Если досидишь, проголосуй за меня», — говорит он Выбегайло, слышит в ответ: «Угу», — но, дабы подстраховаться, обращается с аналогичной просьбой к Усидчивому и Засыпайло. Затем Уходящих уходит, а Выбегайло куда-нибудь выбегает, предварительно тоже попросив Усидчивого и Засыпайло проголосовать вместо него. В результате последние голосуют не только за себя, но также за Уходящих и Выбегайло, то есть каждый из отсутствующих, сам того не ведая, подает два голоса. В ВАКе, конечно, тоже не все умеют считать, но иногда такие арифметические парадоксы все же замечают и не одобряют. Поэтому диссертант должен бдительно следить за тем, чтобы во всех подаваемых им в ВАК документах количество проголосовавших совпало с количеством присутствующих или, по крайней мере, не превышало его.

Образцовая защита предполагает, хотя и не обязательно, ответы диссертанта на *вопросы*. По доброй воле их, естественно, никто не задаст, поскольку прочитавшие (не всегда) текст оппоненты вопросы не задают, это выглядело бы странным, а остальные диссертацию не читают и выступление диссертанта не слушают. Поэтому задающих вопросы (ЗВ) следует подготовить, написав им текст заранее. При этом текст вопроса должен быть понятен тому, кто его будет задавать. Иначе он начнет запинаться, злиться на диссертанта, и вся сцена будет неуклюжей, не украшающей защиту. Важно и то, чтобы ЗВ находился в здравом уме и ясной памяти и вообще в приличной физической форме, иначе результат может оказаться непредсказуемым. Широко известен случай, когда один уважаемый член УС, заснув на первой защите, проснулся на второй и вопрос, адресованный первому соискателю, задал второму, повергнув его в полное замешательство.

Хорошо продуманным должно быть и количество хвалящих диссертанта (ХД). Вообще без них не обойтись. Но если их слишком много, это тоже может иметь нежелательные последствия. Дело в

том, что, когда количество ХД начинает превышать количество не выступивших на защите, последние чувствуют себя дискомфортно как не отработавшие свое участие в банкете. Тогда и они пытаются сказать что-либо хвалебное, а это чрезмерно затягивает защиту и вызывает раздражение у тех, кто уже выступил и теперь с нетерпением ждет банкета. Так что с учетом малого количества членов УС, реально присутствующих в зале, количество ХД не должно превышать 2–3 человек, тем более что те же функции выполняют научный руководитель диссертанта и его оппоненты.

Подбор оппонентов

При подборе оппонентов надо исходить из того, что, как всем известно, его функции прямо противоположны названию. Оппонент — это не тот, кто «против», а тот, кто априорно «за», оппонировать — значить хвалить. Разумеется, для данной роли лучше всего подходят друзья, знакомые, друзья знакомых, знакомые друзей и т. д. Наука еще не знает случаев, когда между диссертантом и его оппонентом не было прямых или косвенных — через общих знакомых — связей. Иначе и быть не может, поскольку оппонирование — это услуга, а услуг незнакомым людям, как правило, не оказывают. Услуга состоит не в том, что оппонент жертвует своей принципиальностью, выражая готовность дать позитивный отзыв о работе, которую он еще не видел. (Ученые, которые соглашаются оппонировать лишь после просмотра диссертации, встречаются только в советских фильмах, на самом же деле все происходит наоборот.) Оппонент, прежде всего, ценит свое время. Соглашаясь оппонировать, он идет на то, чтобы потратить время на ознакомление с текстом и написание хвалебного отзыва, заранее зная, что почти ничего за это не получит.

Бывалые оппоненты, правда, не читают тексты, на которые пишут отзывы. В их компьютерах всегда есть 3–4 стандартных отзыва — продукты прошлой оппонентской деятельности, — из фрагментов которых они за несколько минут могут скомпоновать отзыв на любую диссертацию, причем абсолютно новый, а не повторяющий предыдущие. В их арсенале — и некоторые стандартные замечания, применимые к любой работе. Например, рекомендации вынести таблицы в приложение, обратить внимание на работы Забытого, не получившие отражение в тексте (работы Забытого не получают отражение ни в одном тексте, и этот выстрел всегда попадает в цель), подробнее изложить перспективы практического применения полученных результатов и проч. Существуют также стандартные приемы смягчения и нейтрализации собственной критики типа: «нельзя объять необъятное в рамках диссертационной работы», «отмеченные недостатки не умаляют ее многочисленных достоинств» и т. п. Все это экономит время подготовки отзыва, но все же не сводит его к нулю.

Наименее сознательные, а также наиболее занятые оппоненты нередко предлагают соискателю самому написать отзыв на свою работу или, по крайней мере, ту часть, в которой содержится ее описание, тем самым давая понять, что читать диссертацию не будут. Но это также требует времени, хотя бы для того, чтобы прочитать написанный диссертантом отзыв. Поскольку многие оппоненты не читают оппонируемых работ, задавать им вопросы относительно содержания этих работ довольно бестактно. Это выглядит как проверка школьника, сделал ли он домашнее задание. Но и не спросить, что он на самом деле (официальный отзыв, понятное дело, — условность) думает о диссертации, тоже невежливо. Поэтому лучше всего задать какой-либо обтекаемый вопрос типа: «Что вы мне порекомендуете?» или «Стоит ли это опубликовать?», который, с одной стороны, продемонстрирует оппоненту, что его мнение для вас значимо, с другой — не загонит его в угол как не читавшего текста. Само собой разумеется, первое, что сделает оппонент, взяв в руки вашу диссертацию, — посмотрит, ссылаетесь ли вы на его работы. Они обязательно должны быть включены в список литературы, в самом же тексте их можно и не использовать. Впрочем, данное правило настолько тривиально, что на нем не стоит останавливаться.

Очень важно и правильно цитировать свои собственные работы или по крайней мере не ошибиться, указывая их выходные данные. Среди членов УС может найтись некто, кто от скуки прочитает ваш автореферат, а потом захочет прочитать и какую-либо из ваших публикаций. Если он не найдет ее в указанном журнале или найдет под другим названием, это может произвести на него дурное впечатление. Автор этих строк сам однажды попал в подобную ситуацию. Некий член Ученого совета — назовем его Занудливым, хотя на самом деле у него другая фамилия, — обнаружив, что автор в автореферате не указал правильно ни одной из своих публикаций, решил проверить, как тот процитировал материалы съезда КПСС (для забывчивых напомним, что в те годы ссылка на них должна была украшать любую работу). К своей радости, он сделал еще одно открытие: на той странице, где, как утверждал автор, партия нацеливала народ на развитие хорошей теории, речь шла только об увеличении поголовья крупного рогатого скота. Бедный автор, которого на защите попросили объяснить это странное противоречие, испытал изрядный стресс и не нашел ничего лучшего, нежели сказать, что увеличение поголовья крупного рогатого скота невозможно без хорошей теории. Все обошлось благополучно, но до таких экстремальных ситуаций лучше дело не доводить.

Что же касается результатов голосования, то их можно считать predeterminedными в тот самый момент, когда вы пишете первое слово своей кандидатской диссертации. Во-первых, члены УС все же не садисты-маньяки. Ни у кого из них не поднимется рука проголосовать против человека, который потратил уйму времени на подготовку

диссертации, прекрасно понимая, что ученая степень не добавит ему ни славы (если он не политик), ни денег (если он не бизнесмен). Во-вторых, как уже было сказано, члены УС приходят не на саму защиту, а на банкет. Поэтому, с одной стороны, они не рискнут его сорвать, голосуя «против». С другой стороны, совесть не позволит большинству из них есть ваш хлеб и все прочее, проголосовав против вас. Наконец, в-третьих, даже если кто-то под влиянием форс-мажорных обстоятельств — ссоры с женой, выговора от начальника, потери денег в банке и т. п. — и проголосует «против», члены счетной комиссии, за долгие годы привыкшие к единогласному голосованию и сформировавшие соответствующий условный рефлекс, его голос «против» посчитают как голос «за», и результат, к немалому удивлению строптивного члена УС, все равно будет единогласным.

На банкете

Относительно того, как следует вести себя во время этой главной части диссертационной процедуры, нет однозначных предписаний. Теоретически, конечно, можно дать волю чувствам, панибратски хлопнув по плечу председателя УС, наступив на ногу его заместителю, заявив оппоненту, что он — круглый идиот и т. д. И это вполне понятно: вы только что вышли на свободу, и вам хочется вдохнуть ее полной грудью. Но нельзя забывать известный психологический феномен: многие заключенные совершают новые преступления за неделю до выхода на свободу именно потому, что уже чувствуют себя свободными, и получают новые сроки. Надо иметь в виду, что, во-первых, кто-нибудь из обиженных может направить в ВАК «телегу» о том, что вы явились на защиту нетрезвым, матерились, избили председателя Ученого совета и т. п. Во-вторых, среди тех, кто после голосования кажется вам уже ненужным, могут оказаться сильные мира сего, и лучше использовать неформальную обстановку для укрепления дружбы с ними, а не для того, чтобы высказать им, что вы о них на самом деле думаете. В-третьих, не надо недооценивать свои возможности: защитив кандидатскую диссертацию, вы через некоторое время можете осилить докторскую, затем баллотироваться в академики и еще не раз попадете в зависимость от тех же самых людей.

В принципе между кандидатскими и докторскими защитами нет кардинальных различий за исключением того, что докторские, на которых выступают не два, а три оппонента, тянутся дольше. Есть и еще одно различие, связанное с тем, что защитивший докторскую диссертацию в общем-то обретает место на академическом Олимпе, хотя и не столь престижное, как в былые годы. Престижность каждого отдельно взятого места обратно пропорциональна количеству таких мест: чем меньше докторов наук, тем значительнее каждый из них. Поэтому на докторских защитах в отличие от кандидатских голоса «против» — вполне рядовое явление.

Некоторые защиты имеют свою специфику, вызванную какими-либо частными обстоятельствами. Скажем, если вы принадлежите к женскому полу, работаете в области практической психологии, в брачной консультации и успели женить на себе мужа одной из своих клиенток, ее оскорбленная мать может явиться на вашу защиту и устроить скандал, который разбудит спящих членов УС, чем вызовет их недовольство. И такие случаи были.

Чтобы предотвратить подобные ситуации, очень полезно иметь группу поддержки (ГП), основные функции которой состоят не только в подготовке банкета, но и в фильтрации тех, кто хочет попасть на защиту. Конечно, трудно кого-либо не пустить туда физически, хотя, когда защищаются такие крупные ученые, как В. Жириновский, делается и это. Но если нежелательный гость — человек со стороны, он обычно не знает, где проходит защита, как найти нужную аудиторию и т. д. И вполне можно направить его на другой конец Москвы, благо многие наши вузы имеют помещения в различных точках столицы.

Главная же проблема диссертационного поведения (ДП) — сколько следует пить на банкете — пока не имеет однозначного решения. Некоторые стараются пить поменьше, полагая, что наверстают потом — дабы застраховаться от необдуманных поступков типа описанных выше вульгарных жестов в отношении членов УС. Эта позиция имеет свои резоны, но во всем, даже в трезвости, необходимо руководствоваться чувством меры. Если диссертант окажется слишком трезвым, клеймо чужака или, что еще хуже, непьющего может быть припечатано ему на всю оставшуюся жизнь, что отразится на его репутации. Если же он, наоборот, перепьет, но при этом не совершит ничего предосудительного, присутствующие его никогда не осудят. Во-первых, они понимают, что он заработал на это право. Во-вторых, его беспомощный вид скорее всего вызовет не осуждение, а сочувствие. Возможны и более неожиданные, но выгодные для него варианты. Например, автор этих строк однажды наблюдал такую сцену. Диссертанта тащили с банкета под руки, как выносят раненых с поля боя. Шедший навстречу ректор вуза, где проходила защита, сделал комплимент кафедре за то, что здесь защитившихся всегда выносят — в отличие от других кафедр, где диссертант, оставленный без поддержки, чаще всего не находит выхода и засыпает в одной из аудиторий, а на следующий день его в самом непрезентабельном виде обнаруживают студенты. Так что на всякий случай обязательно включите в свою ГП кого-нибудь, кто сможет вас доставить домой.

А теперь — ВАК

Но вот вы, наконец, защитили диссертацию, отпили свое на банкете и выстрадали неизбежное тяжкое похмелье. Вы — кандидат

(доктор) наук? Как бы не так. Только тут и начинается самое сложное — оформление документов для ВАКа. Защитить диссертацию намного проще, чем оформить соответствующие бумаги, то есть доказать тем, кого не было на защите, что вы и в самом деле защитились. Человек, наивно полагающий, будто получает ученую степень в тот самый момент, когда члены УС голосуют «за», пытается преодолеть бумажную волокиту на одном дыхании и наталкивается на стену, беспорядочные наскоки на которую рано или поздно вызывают у него невроз или более серьезные психические расстройства.

Тем не менее и в бюрократической среде можно выжить, если строго соблюдать два правила. Во-первых, не торопиться, не портить нервы себе и другим, понять, что, как бы ты ни старался, заветный диплом получишь не раньше чем через полгода. Во-вторых, следовать обязательному в общении с любой бюрократией «принципу болота»: не делать резких движений, не пытаться что-либо ускорить, через что-то перескочить, а спокойно ждать, когда тебя вытащат.

Облегчает жизнь диссертантам и то, что ВАКовская, как, впрочем, и любая другая, бюрократия, хотя, на первый взгляд, и предполагает неукоснительное соблюдение рутинных правил, на самом деле оставляет простор для творчества. Например, самый длинный документ, который готовят защитившиеся, стенограмму защиты, раньше делали стенографистки; теперь ввиду бедности нашей науки стенографисток часто нет. Если диссертант — зануда, он просит кого-либо из группы поддержки записывать, кто что говорит. Если нет, ему придется сочинять стенограмму с чистого листа, когда защита давно закончилась. И поскольку в радостной эйфории он, естественно, забывает, кто что говорил, он это выдумывает, что, безусловно, является творческим занятием, напоминающим ролевою игру с одним участником. Здесь важно удержаться от соблазна распространить этот творческий подход на подготовку других документов, в которых диссертанту приходится многократно указывать, сколько ему лет, какой вуз и когда он окончил, кем и где работает и т. п. Анкеты не терпят богатого воображения, равно как и те, в чьи ведомства они поступают.

Когда все бумаги будут готовы и высланы в ВАК, можно вздохнуть спокойно. Теперь нужно запастись терпением. Теоретически возможно попытаться ускорить процедуру, постаравшись найти какого-нибудь знакомого в ВАКе и с его помощью проскочить вне очереди. Но практика показывает, что это ничего не дает. Знакомый обещает помочь и, когда диссертанту приходит заветный диплом, утверждает, что это произошло благодаря ему. На самом деле проходят те же полгода, и диссертант оказывается обязан за помощь, которую ему не оказывали. В общем, ситуация как при гриппе: если лечиться, болеешь 2 недели, если не лечиться — 14 дней. В обоих случаях главное

не лекарства, а терпение. Но нет худа без добра: длительное ожидание любых документов укрепляет иммунитет к бюрократии, без которого любой член современного общества абсолютно нежизнеспособен.

Плохо лишь то, что разрыв во времени между защитой и присуждением диплома мешает диссертанту испытать всю радость сполна. Это все равно, что пить водку маленькими глотками. Сначала, сразу после защиты, его радость неполноценна из-за гнетущего ощущения того, что ему еще предстоит. Потом, когда все позади, она тем более неполноценна из-за того, что уже полгода как потеряла аромат свежести.

Но вот, наконец, вы получили долгожданный диплом. Теперь (и только теперь) вы — кандидат (доктор) наук и можете уверенно двигаться к следующей цели. Если, конечно, еще не разуверились в том, что подобные цели оправдывают средства, затраченные на их достижение.